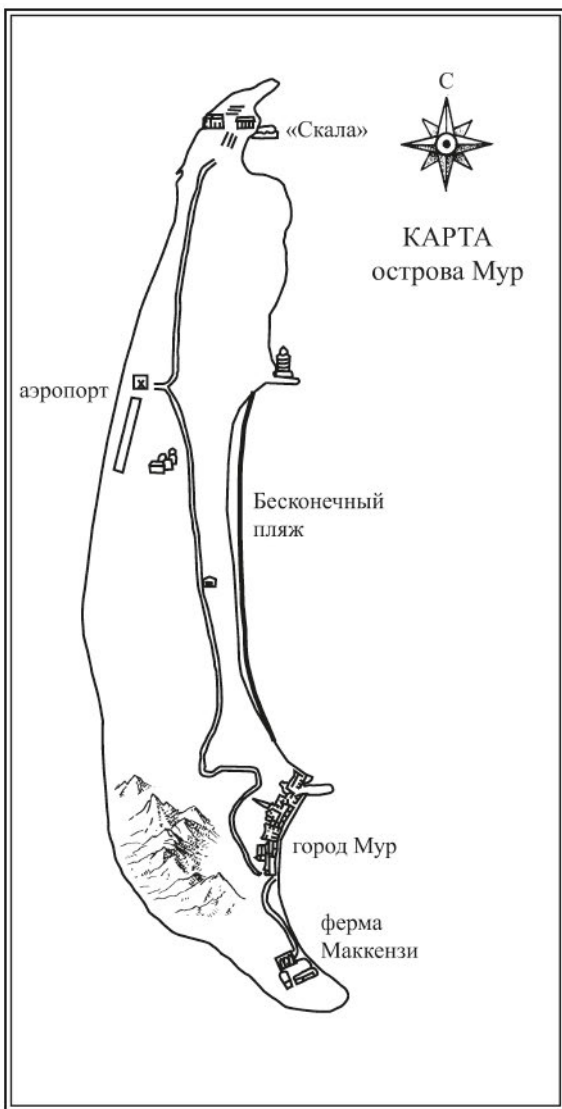

Рождество на острове

Остерегайтесь снежных танцоров. Они прекрасны и светлы, и ох как умеют танцевать — и вы подумаете, что они собираются унести вас куда-то. Они являются под звон колокольчиков, и крутятся, и шелестят, и вы будете танцевать вместе с ними до упаду, а они окружают вас и начнут тянуть за собой: «Идем с нами, дитя... ты сможешь танцевать, танцевать и танцевать...»

И многие теряются, гонясь за снежинками, а те кружатся, и смеются, и исчезают, оставив детишек замерзать на берегу. Но все равно детей не перестает манить их далекий перезвон и истории о ледяных горах и таинственных ледяных королях.

А иногда дети окончательно погружаются в этот снежный танец, пропадают в нем, и больше их не находят. Но возможно, они радостно танцуют в ледяном бальном зале Короля Бездны. А может, и нет. В общем, лучше не рисковать...

Глава 1

Зимой утренние часы очень темны на Муре, крошечном островке, что лежит к северу от северного побережья Шотландии, на полпути к Исландии, или, как иногда кажется, на полпути к Северному полюсу, особенно если дует западный ветер.

Но Мур прекрасен, он уютен, наполнен энергией и изумительно чист, когда разбегаются тучи, хотя ночи тянутся долго, очень долго.

Собакам, конечно, все равно, темно вокруг или светло. Они инстинктивно знают, когда приходит время просыпаться и браться за работу. А у них масса дел: принюхиваться, надеясь на вкусный кусочек, и проявлять недовольство, когда они чуют дурной запах.

Я бы не стала утверждать, что вы обязаны держать дома собаку, если вы живете на Муре, но я не вижу никаких причин к тому, чтобы не иметь ее, как не видят их и жители острова. Здесь безопасно, машин тут почти нет, а те, что есть, не ездят слишком быстро по ухабистым фермерским дорогам.

Здесь есть прекрасные вересковые пустоши, и бухточки, и пляжи, и великое множество разных палок, и тюлени, на которых можно лаять, и овечий помет,

в котором можно изваляться, и масса других собак, с которыми можно поиграть, и теплые очаги, перед которыми можно улечься, когда надоедает носиться туда-сюда, и никого не сажают на цепь, и позволяют заходить в паб... Мур — настоящий рай для собак.

И многие люди соглашаются с собачьей оценкой происходящего.

Фермерские собаки спят в амбаре, где на них дышат теплом коровы, а под ними лежит теплое сено. На ферме Маккензи — расположенной на небольшом холме в южной части острова, прямо у главной улицы с розовыми, желтыми и красными магазинчиками, раскрашенными ярко и представляющими контраст с низким зимним небом и вселяющими бодрость в темные месяцы, — собаки спят именно в амбаре, довольные всем, и их лапы дергаются во сне, потому что им видится, как они гоняются за овцами.

Там спят все собаки, кроме Брамбла, самого старого и самого любимого из всех пастушеских псов. Он давно уже не занимается делом, но никто не пытается согнать его с привычного места: так близко к деревянной плите в старой фермерской кухне, как только может улечься собака без риска спалить шкуру. Он громко сопит и храпит, но склонен подниматься очень рано, что Флоре, живущей здесь, кажется глупым: если этот старый пес спит по двадцать часов в сутки, то зачем ему вскакивать между пятью и семью часами утра?

Хотя, если честно, сама Флора тоже встает рано, потому что ей нужно отправляться на работу — в «Кухню Анни», что на главной улице. Но расстояние до нее невелико.

Вдоль главной улицы выстроились желтые и мятно-зеленые лавки сувениров, блекло-синяя аптека, салон красоты, недавно выкрашенный в цвет фуксии,

который никому не нравится, и светло-оранжевая рыбная лавка. Там же находится старый, облупившийся черно-белый отель «Харборс рест», который все используют как бар и место, где отмечают разные события — свадьбы, поминки, дни рождения, юбилеи. Управляет отелем, довольно небрежно, Инге-Бритт, женщина из Исландии, — у нее нет собаки, потому что ей нравится поваляться по утрам, пусть даже на липких столах стоят со вчерашнего дня пивные кружки.

А через два дома от отеля находится светло-розовая «Летняя кухня Анни». Флора вернулась на остров около года назад в качестве помощника юриста. Она выросла на Муре, а потом, много лет назад, ее увлекли яркие огни Лондона. Флора думала, что никогда уже не вернется на остров. Она и думать об этом боялась.

Но жизнь частенько подбрасывает вам то, чего вы и не ожидали, и Флора снова влюбилась в край своих предков, как и тот юрист, который вернул ее сюда, — Джоэл Биндер.

Джоэл... Ну да. Сложный человек. Но Флора любит его вне зависимости от этого, а может, немножко и в зависимости. Флора, скажем так, не боится трудностей.

В общем, Флора выбирается из постели, потому что знает: если она не встанет сейчас, отец поднимется раньше нее, а она не в силах вынести даже мысли о том, что его старые, пораженные артритом ноги зашагают по ледяному каменному полу кухни до того, как она успеет растопить плиту и поставить чайник. Он может встать и тогда, когда услышит свист.

Флора отводит с лица спутанные волосы. Она выглядит необычно, наша Флора, хотя и не для островитян: многие поколения на островах смешивалась

кровь кельтов и викингов, а это значит, что у нее самая светлая кожа, какую только можно представить, белая, как пена на волнах, и волосы не как у блондинок и не каштановые, а почти бесцветные, и светлые глаза, которые в зависимости от погоды меняют цвет от голубого к зеленому и серому.

В Лондоне Флора терялась где-то на задворках. Здесь же она — часть бурного, пенного моря, бледных утесов, она сливается с белыми чайками и тюленями. И выглядит как часть ландшафта.

Сонный старый Брамбл в это время уже полон энергии, его огромный хвост смахивает все, что забыли на низких стульях, когда Флора обнимает его, разжигает огонь, а сама идет под душ. Джоэла сейчас нет на острове — он в Нью-Йорке, вернется к Рождеству, и по ряду причин в темные, тихие утренние часы Флору это устраивает.

Они выходят на улицу вместе, Флора и Брамбл. Флора думает о том, что сегодня должны сделать она и Айла и Иона, две хорошенькие девушки-островитянки, которые работают с ней в кухне и в кафе: печенье, пироги, пирожки с начинкой и побыстрее продать фруктовый пирог... Флора начала печь фруктовые пироги в начале ноября, потому что хороший рождественский пирог должен долго созреть, она продает его порциями. Потом она рискнула готовить каждый день по такому пирогу, не уверенная — в особенности из-за того, что ингредиенты дороги и их трудно найти на острове, — стоит ли дело того, или они могут остаться в январе с десятком нераспроданных фруктовых пирогов.

Как бы то ни было, в начале декабря, то есть всего неделю назад, пироги уже исчезли. Некоторые люди покупали по порции каждый день, и Флора подумы-

вала о введении системы квот, просто ради сохранности их же собственных кровеносных сосудов.

В «Кухне» давно уже действовала система скидок, ставшая просто необходимой: она помогала предприятию выжить зимой без того, чтобы обирать низкооплачиваемых рабочих, живших на острове круглый год. А летом Флора могла повесить цены для туристов и тех, кто приезжает на остров отдохнуть. Система скидок приносила доход, и Флора теперь готовила каждый день по фруктовому пирогу, несмотря на стоимость ингредиентов — только высшего качества, — и выдерживала их потом необходимые три недели.

Брамбл доходил до дверей «Летней кухни» и не делал ни шагу дальше, хотя ему и хотелось. Но он знал правила. Флора весьма строго относилась к соблюдению чистоты в кафе. А вот Инге-Бритт могла позволить ему войти в «Харборс рест» и болтаться между столами в поисках завалившихся орешков арахиса, но Инге-Бритт еще не проснулась.

Поэтому Брамбл терпеливо отправился на ежедневную прогулку.

Миссис Макферсон, как обычно, уже ковыляла по главной улице вместе с Брендзи, ее шотландским терьером. Она говорила Флоре, что после семидесяти совсем перестаешь спать, и Флора старалась сочувственно улыбаться, гадая, сколько миссис Макферсон может спать на самом деле, если ей выпадет хоть малейший шанс. По понедельникам, когда кафе бывало закрыто, Флора не выбиралась из постели до обеда, а если Джоэл был здесь, она старалась взять выходной, и... ну, это приводило ко многому...

...но она не станет думать об этом сейчас.

Брамбл поздоровался с Брендзи, вежливо обнюхав зад другого пса, потом отправился к киоску, где Иэн,

торговавший там, мог дать ему вчерашнюю газету. Сегодняшняя пресса приходила только с первым утренним паромом в восемь утра, что совершенно не беспокоило отца Флоры. Он каждый день покупал газету, но утверждал, что все это чистый хлам, так что вряд ли имеет значение, когда именно придут новости.

Пес Иэна, Риксон, лежал в глубине киоска. Он лениво заворчал. Старый пес провел слишком много лет, защищая Иэна, разносившего газеты, от других собак, лаявших на него, и от мальчишек, желавших стащить дешевые конфеты, так что он был, честно говоря, немного ворчлив. Как и Иэн, если уж на то пошло. Они представляли собой хорошую пару.

Брамбл, как обычно, держался подальше от Риксона, когда Иэн трепал его по голове и выдавал «Хайленд таймс». Потом Брамбл уверенно вернулся на главную улицу, пройдя мимо Пикла — чудовищно избалованного терьера миссис Маккрори, который, к немалому ужасу всей деревни, ел только жареных цыплят, как нравилось сообщать всем его хозяйке. Собаки на Мура были в основном рабочими псами, они существовали здесь как часть ферм и домашних хозяйств. И многие островитяне еще помнили времена, когда жареные цыплята были роскошью для местных: вам скорее приходилось есть тюленей — как и теперь делали многие, — а главным ежедневным блюдом была рыба.

Брамбл не стал останавливаться и у пристани, где постоянно болтался Грей — здоровенный разбойник смешанных кровей со светлыми северными глазами, этот пес каким-то образом добрался до Мура с русского рыболовного судна — поговаривали, что на самом деле это бритый волк. Пес долго бродил вокруг причалов, пока рыбаки не начали его подкармливать, бро-

сая ему то, что даже птицы есть не хотели. Грей оторвал взгляд от горизонта, но, увидев, что мимо идет всего лишь Брамбл, фыркнул и снова устался на море. А Брамбл гордо стучал когтями по древним камням, высоко держа голову, гордый тем, что несет газету, выполняя свой повседневный долг.

И Бесконечный пляж Брамбла не заинтересовал, — этот пляж начинался у северного конца главной улицы, прямо перед старым домом шотландского пастора, временно занятым Сайфом Хассаном, одним из двух докторов острова, — второй был практически бесполезным, — беженцем из Сирии, и его двумя маленькими сыновьями, Эшем и Ибрагимом.

Сайф, конечно, ощущал приближение Рождества — и кто бы мог этого не заметить при бесконечной телевизионной рекламе и потоке малопонятных официальных писем из школы насчет чайных полотенец и календарей и чего-то, что называлось «пантомимой», — даже порывшись в «Гугле», Сайф не разобрался, что тут к чему.

Но мальчики были полны радостного волнения. Когда же Сайф наконец понял, в чем суть этого праздника, он, учитывая, что разница в возрасте сыновей составляет всего два года, — то есть оба они на самом деле еще малыши, — захотел устроить для них самое прекрасное Рождество.

Если бы Брамбл не был так ленив и пробежался по пляжу, он мог бы встретиться с Майлу и его хозяйкой, Лорной Маклеод, которые устраивали пробежку до начала занятий в школе, пусть даже в это время года на горизонте едва появлялась бледная розовая полоска. Лорна держалась подальше от дома пастора. Она уже год была безответно влюблена в Сайфа, но он по-прежнему любил свою жену, хотя и не представлял,

где она может быть — то ли застряла где-то на дорогах войны, то ли умерла, или еще хуже... Никто этого не знал.

Сейчас Лорна с огромной тоской оглядывалась на этот год. Некогда, до того, как вернулись мальчики, Сайф мог встречаться с ней здесь, на пляже, где его можно было найти перед началом рабочего дня, — он ждал прихода парома, ждал вестей о своей семье.

А Лорна могла гулять с Майлу, и они с Сайфом разговаривали. Они стали друзьями — настоящими друзьями, — и оба ждали ранних утренних часов, пусть даже очень холодных и ветреных, а иногда таких прекрасных, что мир был виден на миллион миль вокруг, и небо раскидывалось над ними гигантским шатром, и день наступал настолько ясным и сияющим, что в это трудно было поверить, и шумел прибой, и кричали чайки, и невозможно было представить, что за далеким горизонтом может случиться что-то дурное.

Однако... Давно, когда они были друзьями, Лорна совершила ужасную ошибку, открыв свои чувства, и... ничего хорошего из этого не вышло. Ничего.

Поэтому она теперь держалась подальше от того конца пляжа, где стоял дом Сайфа. Да он и все равно был слишком занят теперь — воспитывал двух мальчиков, которые пришли в ее школу и медленно, очень медленно начинали привыкать к другим детям, понемножку избавляясь от акцента и нервозности... ну, по крайней мере младший, Эш.

Те два малыша, что холодным весенним днем прибыли на остров, истощенные, ожесточенные, не знающие ни слова по-английски, теперь изменились. Отличная здоровая еда, в основном с фермы Маккензи,

помогла им набрать вес. Ибрагим подросток на два дюйма и с каждым днем становился все более похожим на отца. Да... Лорна полагала, что это хорошо. Она должна была думать об этом именно так. Хорошее ведь иногда случается? И все же... все же иной раз ее мысли становились немного унылыми.

Этим утром вода была слишком холодной даже для Майлу, что случалось редко, и Лорна, накинув на голову капюшон куртки, повернула обратно к причалам. В школе не бывало более светливого времени, чем Рождество. На голову Лорны сваливалось множество проблем.

Брамбл пробежал по соседней дороге, что вела к «Скале», великому проекту Колтона Роджерса, в настоящее время пребывавшему в некотором небрежении, в которое Брамбл сделал свой вклад, подняв заднюю лапу и пустив длинную струю на угол здания.

Колтон был наглым американским дельцом, он явился на Мур с целью покрыть весь остров ветряками и превратить его в прибыльное предприятие. Но дело кончилось тем, что Роджерс влюбился в это место, увидев его таким, каково оно есть, и устроился здесь навсегда.

Собаки Колтона были просто смешны: чистокровные хаски, выведенные скорее для выставок, чем для блуждания по снежным просторам, — голубоглазые и пугающе глупые, что, в общем-то, значения не имело, потому что от них ничего и не требовалось, только стоять перед въездными воротами на манер больших белых скульптур да еще подойти поближе и пококетничать, когда Колтону приходилось сообщать людям, сколько он за них заплатил.

Но все это было до того, как Колтон заболел. У него был запущенный рак, и за ним ухаживал его партнер, брат Флоры — Финтан.

За собаками ухаживали слуги, а Финтан не думал ни о чем, кроме Колтона. Лечение Колтона состояло в основном из морфина, в таком количестве, какое он мог себе позволить, — а он, будучи миллиардером, мог позволить очень много, — и в таком количестве отличного виски, какое он был в состоянии проглотить, — виски тоже было очень много. А все вместе это значило, что Колтон постоянно дремал. Финтан практически забросил свою работу, чтобы заботиться о нем, но ему мало что приходилось делать. Опытных сиделок хватало, так что Финтан просто старался быть рядом, на расстоянии вытянутой руки, когда Колтон изредка приходил в себя. Но для Финтана это было самым тяжелым, что ему приходилось делать в жизни.

Брамбл решительно двинулся вперед, вверх по холму, к фермерскому дому, высокомерно игнорируя Брэна и Лоувита — молодых овчарок, которым можно было целыми днями носиться по склонам холмов, но никогда не позволялось лежать перед огнем в доме.

Когда Агот, племянница Флоры, была совсем еще малышкой, ей даже и не говорили, что нужно держаться подальше от огня: Брамбл просто отпихивал ее подальше без предисловий. В результате кроха Агот привыкла устраиваться под теплым лохматым боком Брамбла, как под огромным, слегка пахучим одеялом. И хотя теперь девочке было уже четыре года, она не оставила эту привычку, а Брамбл ничего не имел против.

Брамбл размашистым шагом шел по грязной дороге. Зимний мороз потрескивал на полях, замораживая лужи, а воздух был настолько холодным, что от

Содержание

Рождество на острове	5
Далекий берег	329